

Марк Меерович предложил модель советской истории архитектуры и градостроительства, выстроенную по принципам теории деятельности Георгия Петровича Щедровицкого. Принцип деятельности для учеников ГП был исходным для постановки проблем и ориентации в ситуации. Именно поэтому анализ советского жилищного законодательства, определяющего характер принимаемых решений и деятельности на разных уровнях, дал ему возможность выстроить целостную концепцию советских принципов расселения, объяснил провал идеи города-сада в СССР, показал принципы организации «соцгородов», описал феномены «трудно-бытовых коллективов» и коммунального жилья, а также показал советские механизмы управления людьми. Меерович ввел в научный оборот огромное количество неизвестных материалов, касающихся деятельности выдающихся советских и иностранных архитекторов сталинской эпохи.

Ключевые слова: Марк Меерович, системно-методологический подход к проблеме истории архитектуры и градостроительства; город-сад; «соцгород»; жилищное законодательство; неизвестные проекты.

Mark Meerovich proposed a model of Soviet history of architecture and town-planning based on the principles of Georgy Petrovich Shchedrovitsky's activity theory. Georgy Petrovich's students used these principles as a baseline for articulation of the issue and handling of the situation. That is why the analysis of the Soviet housing legislation, which defines the character of solutions and the activity on different levels, enabled Mark Meerovich to see architectural and town-planning problems from another point of view. He formulated a holistic concept of Soviet principles of settlement, explained the reason of the failure of the idea of the garden city in the USSR and showed the principles of arrangement of "socialist cities", described the phenomena of "labour and household teams" and communal housing, and demonstrated the Soviet mechanisms of people management. Meerovich introduced for scientific use a lot of unknown materials concerning the activity of prominent Soviet and foreign architects of Stalin's era.

Keywords: Mark Meerovich; system-based methodological approach to the issues of history of architecture and town-planning; garden city; "socialist cities"; housing legislation; unknown projects.

Системно-методологический подход к истории архитектуры и градостроительства Марка Мееровича. Памяти друга /

текст
Елена Багина /
text
Elena Bagina

*Точно клубки ниток, мы катимся вдаль,
Оставляя за собой нитку наших дел.*

Николай Заболоцкий

Однажды в тесной компании друзей мы играли в странную игру. Нужно было написать четверостишие на тему «я умер». Лучшим было признано следующее:

*Я умер!
Теперь врите
хоть на санскрите,
хоть на иврите.*

Советская эпоха ушла в прошлое. СССР «почил в Бозе». Но еще живы поклонники Сталина и диссиденты советской поры. Кое-кто до сих пор считает себя коммунистом и пролетарием. Многие уверены, что стали почтенными буржуа. Есть и такие, что мнят себя дворянами-аристократами. Мы живем в «сталинках», «хрущевках», многоэтажных «жилых комплексах». Кое-кто влачит жалкое существование в бараке или в общежитии 30-х годов постройки. На наших глазах разрушается советское наследие. Города хаотично растут и теряют сталинские архитектурные ансамбли – авангардистские и неоклассические, которые ныне прекрасно уживаются даже в пределах одной улицы. Когда приводят в порядок постройки Гинзбурга, Весниных, Мельникова, Жолтовского, Щусева, люди, даже далекие от архитектуры, начинают понимать изящество минимализма, суровую монументальность сталинского ампира. Правда, не все, не везде и не всегда.

Жизнь кардинальным образом изменилась, но явления сегодняшние – политические, экономические, градостроительные и архитектурные – имеют глубокие корни. Поэтому так важны сегодня исследования, посвященные советскому прошлому. Как это ни парадоксально, о нем мы знаем очень мало. Марк Меерович – один из тех, кто исследовал тайны этой terra incognita.

Сегодня об истории архитектуры мы узнаем, в основном, из книг, написанных в советское время. Новые есть, но они в основном посвящены частностям. Архитектура и градостроительство СССР до сих пор не осмыслены

ни историками, ни теоретиками. Это и понятно: временная дистанция слишком мала, поэтому студенты-архитекторы до сих пор учатся по советским учебникам. Нет однозначного ответа на вопрос, что случилось с нашей страной, городами и архитектурой. Можно сказать, что все было отвратительно. Но такой ответ удовлетворить не может, потому что достижений тоже было много, несмотря на условия жесткого тоталитарного режима. Никто из исследователей советской эпохи сознательно не хочет врать, но суждения зачастую диаметрально противоположны. Возможно оттого, что те, кто «исследует хобот слона», делают одни выводы; те, кто ноги – другие. Целостной картины нет. И все убеждены в своей абсолютной правоте.

История жизни методолога, историка, архитектора, педагога, политолога Марка Григорьевича Мееровича имеет четкие временные границы: 19.06. 1956–18. 10. 2018. Он родился, когда только начиналась хрущевская оттепель. Был октябренок, пионером, комсомольцем, студентом, аспирантом, активным членом Московского методологического кружка Георгия Петровича Щедровицкого, защитил кандидатскую диссертацию в Московском архитектурном институте. Все это происходило в Союзе Советских Социалистических Республик. Доктором исторических наук и доктором архитектуры он стал уже в другом государстве с иными ценностями и пороками.

Заслуг и званий у Марка Григорьевича немало. Но кого будут интересовать призы и звания через... нет, даже не десятков... – через несколько лет? Важны не звания, и даже не количество написанных книг. Важен индивидуальный взгляд, предполагающий независимость мысли. Такой взгляд на советскую историю у Марка Мееровича был. Именно поэтому мы можем говорить, что без трудов Мееровича уже нет истории советской архитектуры и градостроительства. Отголоски гражданской войны вековой давности слышны и сегодня. «Белые» и «красные» XXI века спорят, кто виноват и что нужно было делать. Гражданская война до сих пор не окончена.

В поэме «Во весь голос» Маяковский писал:

Mark Meerovich's System-Based Methodological Approach to the History of Architecture and Town-Planning In Memory of My Friend

Уважаемые

товарищи потомки,

Роясь

в сегодняшнем

окаменевшем говне,

наших дней изучая потёмки,

вы,

возможно,

спросите и обо мне.

Марк Меерович как раз из тех историков-потомков, которые, не боясь рутинной работы с первоисточниками, задают неудобные вопросы, чтобы понять, что на самом деле произошло с их страной и народом. Почему случилось то, что случилось. Ведь даже и с Владимиром Владимировичем, чей парадный памятник мы все еще видим на Триумфальной площади по соседству с качелями, поставленными по проекту инфантильно-меркантильных урбанистов новой европейской формации, не все ясно. В истории жизни и творчестве бунтаря – «будетлянина» еще предстоит разобраться литературоведам, и тогда, возможно, его стихи снова зазвучат «во весь голос».

Переосмыслить поэзию – задача непростая. Отказаться от принятой модели истории советской архитектуры и градостроительства сложнее. Марк Меерович предложил свою модель, выстроенную по принципам теории деятельности Георгия Петровича Щедровицкого (ГП), в философском кружке которого он прошел уникальную школу мышления.

«ММК жил довольно замкнутой жизнью, отчего порой его называли сектой, тайным обществом посвященных, говоривших на птичьем языке. Отчасти эта изоляция была запрограммирована самим ГП, отчасти образовалась вне зависимости от его намерений. Двери ММК всегда были открыты для всех, но войти в них было недостаточно. Нужно было еще понять, куда попал. В режиме реального времени такое понимание могло осуществляться только путем присоединения к работе, включения в нее, а это требовало огромных сил и – не в последнюю очередь – времени. Будем откровенны: это требовало Всех сил и Всего времени», – так пишет об этом уникальном явлении советской интеллектуальной жизни А. Г. Раппапорт в книге «Квадратура кружка» [1].

Теория деятельности, которую разрабатывали члены ММК – фундамент, на котором Марк Меерович строил свое понимание истории архитектуры и градостроительства. И даже шире – понимания жизни. «Принцип деятельности для учеников ГП был исходным для постановки проблем и ориентации в ситуации. Конструктивное представление ситуации в деятельности служило логическим основанием понимания и проблематизации. Важен был и историко-генетический схематизм всякого понимания, и реконструкции содержания» [1]. Именно такой подход можно увидеть в трудах Марка Мееровича.

Законодательство определяет характер принимаемых решений и деятельности на разных уровнях. Скрупулезный анализ законодательных актов, касающихся жилищной политики сверху донизу – титаническая работа. Выводы, сделанные Марком Мееровичем на основе анализа советского законодательства разных лет, касающегося жилищной политики и градостроительства, дали ему возможность посмотреть на градостроительную политику СССР с такой точки зрения, с которой ни один историк, ни один теоретик архитектуры на проблемы жилищного строительства, градостроительства и расселения не смотрел.

Действие законов и норм отражалось в бесчисленных резолюциях и постановлениях, которые были руководством к действию. Именно эти «бумажки» определяли условия жизни миллионов граждан Страны Советов. Скучный быт, отсутствие элементарных удобств, вынужденное соседство, как доказал Меерович, было запрограммировано законами, а вовсе не трудностями переходного периода и происками врагов.

Представления о советской истории в исследованиях ученых окрашены в разные цвета – от глубокого черного до нежно-розового – в зависимости от позиции рассмотрения. Оттенки палитры Марка Мееровича – от темно-коричневого до черного. Выбор таких цветов для картины советской истории оправдан: и черного, и коричневого было в избытке. Игнорировать темные стороны советской истории мы не вправе. Для того, чтобы ответить на извечные вопросы – кто мы, что мы и куда мы идем – правду знать нужно. Но необходимо понимать, что это не вся правда. Душная атмосфера истерическо-

го страха и подозрительности в сочетании с чистой, искренним энтузиазмом и фанатичной верой в торжество коммунизма – причудливая смесь, определившая психологический портрет нескольких поколений советских людей, а также образы архитектуры этого периода, ибо *architecture parlante*.

Приглашенная модель истории советской архитектуры и градостроительства, которая до сих пор доминирует в учебниках, не соответствует документам, которые ввел в научный оборот Марк Меерович. Логика принятой трактовки принадлежит другой эпохе с соответствующими фигурами умолчания, и только инерция не позволяет до сих пор от нее избавиться.

Историкам архитектуры и градостроительства чужд системно-деятельностный подход Марка Мееровича. Его выступления на научных конференциях коллеги не всегда принимали с восторгом. Слишком скучным им казался анализ документов, на которых Меерович основывал свои выводы. Ведь историки архитектуры привыкли иметь дело с яркими декларациями и манифестами архитекторов, их письмами, дневниками, воспоминаниями, чертежами, постройками, а не с инструкциями НКВД и не с резолюциями собраний жилищной кооперации.

В своих исследованиях Марк Меерович спустился с высот, с которых обычно рассматривают градостроительство, на самый низкий, молекулярный уровень. Его интересовало все: сколько барачков было построено в Магнитогорске или в Нижнем Тагиле; как в этих барачках были расположены печи; сколько семей могло жить в одной комнате коммунальной квартиры; почему семейный быт превратился в коммунальный, так едко описанный Николаем Эрдманом и Михаилом Зоценко...

Меерович читал протоколы собраний жильцов, списки претендентов на жилую площадь, журналы «Жилищная кооперация» и сборники Главного управления коммунального хозяйства НКВД. Он изучал документы, которыми бы побрезговал любой историк архитектуры: решения домовых комитетов о мелких ремонтах, постановления об изъятии «излишков площади» в «богатых» квартирах, протоколы собраний членов Союза архитекторов, клеймящих своих товарищей за то, что они не следуют принципам соцреализма. Из, казалось бы, незначительных фактов и мелочей складывалась чудовищная картина советского быта, порожденного установками и регламентами, противоречащими «правильным» лозунгам и утверждениям официальной пропаганды. На простой вопрос обывателей – почему мы живем так плохо и так скудно – ответ был ясный, как день: «Мы живем в окружении врагов; сегодня нам трудно, но будущее, которое мы построим, будет прекрасным». Верили: «Мы построим «соцгорода», и они будут похожи на города-сады...» Соцгорода строили – только на города-сады они были совсем не похожи. Реальный принцип их построения не афишировался – он был прост и циничен: тотальная слежка, пренебрежение минимальными удобствами быта, жесткая иерархизация общества, доминанта производства. Лозунг «Все для человека, все во имя человека» красовался повсюду, написанный белыми буквами на красном фоне. Этот лозунг был руководством к действию у идеалистов корчагинского типа. Вера в коммунистические идеалы порождала всплески энтузиазма, экстатического трудового фанатизма и бог знает еще какие причудливые явления. Так или иначе, «правильные» идеологические установки работали и воспитывали «новых людей».

Есть старый еврейский анекдот. Отец семейства с грустью смотрит на чумазых ребятшек и думает: старых отмыть или новых наделать? Промыть мозги «старым», помнящим дореволюционное житье-бытье, у сталинского режима не получилось. «Старые» еще умели самостоя-

тельно мыслить. Наделать «новых», послушных и преданных идее коммунизма, удалось не в полной мере.

Первая книга Марка Мееровича «Рождение и смерть города-сада» [2] была для читателей-архитекторов открытием. В ней он опроверг расхожее мнение, что город-сад – просто поселок с индивидуальными домами, раскинувшийся на лоне природы – этакая идиллия с коттеджами, утопающими в розах, клубом, больничей и самодеятельным театром. Для такого мнения были все основания. До исследований Мееровича в профессиональной литературе города-сады рассматривались только с точки зрения их планировки, способов озеленения, функционального зонирования, стиля застройки. Такой подход для архитекторов понятен и естествен. Проблемы формы в архитектуре всегда стояли на первом месте. Когда эти проблемы вольно или невольно подменяются другими, качество архитектуры падает. Для Марка Мееровича всегда были важны не только и не столько формально-композиционные стороны архитектуры и градостроительства, сколько политические и экономические ее составляющие, в которых в первую очередь находит отражение деятельность людей. На основе щедровитянской идеи приоритета деятельности в любом явлении жизни Марк Меерович построил свою модель истории советской архитектуры. Он считал, что история складывается из миллиардов мелких деяний, запечатлевшихся в материальных свидетельствах времени. Картина послереволюционной жизни Страны Советов складывалась для него из крохотных пазлов. Она была очень мрачной, почти беспросветной. В ней не нашлось места ни искреннему массовому энтузиазму, ни светлым сторонам жизни.

Что же касается идеи города-сада, то историки и теоретики архитектуры нередко забывают о том, что Эбенизер Говард был экономистом, а не архитектором, и город-сад – идея экономическая и политическая, а не градостроительная.

Парадокс состоит в том, что Говард нарисовал схему, и эту схема вошла в книги и учебники по градостроительству как план поселения. Меерович показал, что в городах-садах гораздо важнее архитектуры индивидуальных домов и принципов озеленения был способ решения жилищного вопроса для малоимущих граждан, которым предлагалось самим управлять финансовыми потоками и жизнью поселения.

Существует мнение, что в России до революции строились города-сады, подобные тем, что возникали в Европе и Америке. Меерович опроверг это утверждение, поскольку политическое и экономическое устройство Российской империи не позволяло реализовать идею Говарда в полной мере: бесплатное выделение земли под такие поселения и самоуправление были невозможны. То, что называли дореволюционными городами-садами, на самом деле было ведомственными поселками, созданными на базе крупных предприятий подобных КВЖД. А это означало, что пока человек работает на предприятии – он пользуется жильем. Если он не может работать – он должен покинуть дом.

Книга Марка Мееровича «Рождение и смерть города-сада» интересна как для экономистов и политологов, так и для архитекторов. Для экономистов она до сих пор остается актуальной, поскольку говардовская экономическая модель города-сада не устарела. Другое дело, что для ее осуществления нужна политическая воля. Для архитекторов она ценна тем, что анализируются планы городов-садов, приводятся ранее не известные фотографии и чертежи и дается социально-политическая оценка этому явлению в целом.

На огромном материале Меерович показывает, почему в Европе города-сады организовывались и могли существовать, а в России идея Эбенизера Говарда, поначалу

воспринятая с энтузиазмом, по сути, провалилась. Казалось бы, идея города-сада должна была найти поддержку в Советской России. Поначалу на волне революционного энтузиазма и веры в социальную справедливость, которую обещали коммунисты, так оно и было. Но политические условия не позволили этому движению развиваться в Стране Советов. Жилище в СССР было элементом системы государственного распределения и контроля наряду с другими статьями жизненных потребностей, а потому любая самостоятельность (а уж тем более обладание собственным домом) была для большинства невозможна. Миф о том, что СССР был государством социальной справедливости и равенства, последовательно развенчивается в книге, написанной Марком Мееровичем «Вслед за историей о городе-саде. Книга эта называется «Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР 1926–1932 гг. (Концепция социалистического расселения – формирование населенных мест нового типа)». В ней реконструирована модель «соцгорода» во всех мельчайших подробностях, основанных на конкретных документах. Так аргументированно и подробно о новых поселениях в СССР до Мееровича не говорил никто. В книге «Рождение соцгорода...» доказывається, что вовсе не трудности и враги были повинны в том, как жило большинство населения страны; это была осознанная политика государства, которое стремилось контролировать все и вся. И если бы Марк Меерович ограничился только описанием экономико-политической модели «соцгорода», одно это было бы вкладом в российскую историческую науку. Но в книге есть еще и взгляд архитектора-градостроителя. Рассматриваются не только политические и экономические аспекты, но и чисто архитектурные: в научный оборот введены неизвестные проектные материалы – от планов бараков до планов «соцгородов». Стала понятна основная цель и идея таких поселений – ускоренная индустриализация страны. Главным градообразующим фактором в «соцгородах» была промышленность, в основном тяжелая. Удобству расположения предприятий в этих поселениях подчинено все. Построенные в спешке предприятия не имели очистных сооружений, режим экономии заставлял проектировщиков повсеместно сокращать коммуникации, не соблюдались необходимые санитарные разрывы между промышленными предприятиями и жилой застройкой: об экологии в советское время заботились мало, здоровье трудящихся ценностью не было.

Книга «Рождение соцгорода...» создана на основе бесчисленных документов эпохи. Детально показано, как в пространстве новых городов реализовался советский иерархический принцип построения общества, основанный на разнице в обладании количеством квадратных метров жилой площади, одежды, возможностей отдыха и т. п. Описано, как действовали социальные лифты и насколько отличалась жизнь советской элиты от жизни основной массы населения страны. Меерович показал, для чего нужно было создавать «трудо-бытовые коллективы», почему изначально планировалось расселение большинства простых граждан в коммунальных квартирах и общежитиях. Его вывод: дело было в принципе тотальной слежки. Мушкетерский девиз – один за всех и все за одного – в СССР сталинского периода понимался совсем не по-мушкетерски.

Архитекторы-энтузиасты 20-х – 30-х годов XX века, искренне верящие в торжество социализма во всем мире и в СССР – в частности, в том числе и многочисленные немецкие специалисты, пытались проектировать новые дома и города комфортными. По проектам, приведенным в книгах Мееровича, мы видим многоквартирные дома с двух-, трех- и четырехкомнатными квартирами, оригинальные планировки, грамотно сделанные фасады, ин-

тересные объемно-пространственные композиции. Сама по себе эта архитектура вполне добротна. Но комфортабельные квартиры сразу становились адом при «покомнатно-посемейном» расселении, которое было нормой в СССР вплоть до 60-х годов XX века. Правда, как показали исследования Мееровича, делались и другие дома – там предусматривались анфилады комнат, каморки около кухни для домработниц и черная лестница для прислуги. Проектировались и особняки. Другое дело, что особняков было 1–2% от общего количества нового жилищного строительства, а общежитий – до 60% всего жилого фонда. Особняки предназначались для высшей советской и партийной элиты. Право в них жить было наградой за ударный труд и политическую лояльность. Но даже те, что жили в особняках, ими не владели. Это была частно-государственная собственность [3].

Построенные в конце 20-х годов бараки «соцгородов» были окончательно снесены только в начале 80-х годов XX века, общежития функционируют и сегодня, в запроектированных Андреем Буровым, Эрнстом Маем, Леонидом Весниным и другими известными архитекторами 3–4 этажных домах «для рабочих» люди живут до сих пор. Именитые архитекторы-авангардисты Леонид Веснин, С. Е. Чернышёв, Э. И. Норверт проектировали бараки для рабочих, барачные столовые и бани, многоквартирные 2–3–4-этажные деревянные и каменные дома, индивидуальные дома «для рабочих» [4] Эти проекты никогда не публиковались ни в книгах С. О. Хан-Магомедова и В. Э. Хазановой, ни в книгах других авторов, создавших романтический миф о советском авангарде, загубленном товарищем Сталиным. Но встаёт вопрос – а является ли проект барака архитектурным произведением? Марк Меерович на этот вопрос отвечает утвердительно, его оппоненты, привыкшие считать архитектурой хрестоматийные произведения Гинзбурга, Жолтовского и Щусева отвечают отрицательно.

Мы нередко задаем себе вопрос: чем занимались архитекторы-авангардисты в 30-х – 40-х годах. Их проекты почти исчезли со страниц профессиональных журналов, но такие корифеи, как Моисей Гинзбург, братья Веснины и др. репрессированы не были; они проектировали и строили, то есть были загружены профессиональной работой. Но об этом периоде их творчества никто ничего не знал. Они как бы перестали существовать после 30-го года, ибо их творчество 30-х – 40-х не вписывалось в официально принятую модель истории советской архитектуры. В многочисленных статьях Марка Мееровича мы видим относящиеся к этому периоду проекты Александра, Леонида и Виктора Весниных, М. Я. Гинзбурга и других известных авангардистов 20-х годов. Работали они в системе НКВД и НАРКОМТЯЖПРОМа, строили ведомственные промышленные и гражданские объекты. И оказывается, даже не изменяли конструктивистским принципам в промышленных объектах.

Марк Меерович проанализировал «соцгорода», которые строились в СССР, с разных позиций: с точки зрения функционального зонирования, с точки зрения системы обслуживания, с точки зрения связи промышленности и селитбы. Он нашел в архивах, журналах и книгах того времени и ввел в научный оборот огромное количество осуществленных и неосуществленных проектов, которые рассказали о реальном размахе строительства, о разнице в материалах, которые использовались при возведении домов для привилегированных и непривилегированных слоев советского общества и пр. В книге «Соцгород» встает целостная картина советского быта, возникшего в результате сознательной градостроительной политики.

Взгляд на советскую градостроительную историю у Марка Мееровича не беспристрастный. Он на разных уровнях рассмотрения доказывает одну мысль: советский

строй и советское градостроительство – порождение тотального насилия над личностью [5]. Что ж, факты говорят именно об этом. Но слабость позиции Мееровича в рассмотрении советской архитектуры и советского градостроительства состоит в том, что Марк Григорьевич видит только негатив и упорно, с неопровержимыми фактами, доказывает, что негатив имел место. В этой логике пропадает то ценное и светлое, что тоже имело место в советской жизни, архитектуре и градостроительстве. Можно поискать корни такой позиции в семейной истории Мееровичей; и мы, безусловно, найдем его родственников, пострадавших в результате сталинских репрессий. Трагедия их жизни – истоки пристрастного отношения Марка Мееровича к советской истории. В этом слабость его концепции, в этом и его сила. Читать книги Мееровича можно, как детективные романы. В книге «Наказание жилищем» показан цинизм советской жилищной политики, пренебрежение архитектурным достоянием. Становится понятно, почему чувство прекрасного у большинства населения было атрофировано: варварские условия жизни не позволяли ему развиваться. К сожалению, советское прошлое до сих пор уродует сознание людей. Пролетарская культура стала явью, «шариковы» победили. Советским утопистам такое не снилось и в кошмарном сне. Удивительно, как до сих пор после варварской эксплуатации жилого фонда в советское время еще сохранились строения прошлых веков, которые Марк Меерович с такой страстью спасал от уничтожения в Иркутске.

В архитектурной графике есть разные приемы изображения: так называемая «птичка» – взгляд с высоты птичьего полета; так архитектуру видят, по словам Иосифа Бродского, «соглядатаи общих дел» серафимы и архитекторы-градостроители. С высоты среднего человеческого роста обыкновенно рисуют отдельные здания и сооружения. Рисунок с позиции муравья тоже возможен. Так видят наш человеческий мир насекомые. Гигантомания советских монументальных ансамблей впечатляет до сих пор. Человек, взглянувший вверх на шпиль или венчающую башню, неизбежно ощутит себя муравьем. Или будет гордиться делами человеческих рук. Пафос работ Марка Мееровича направлен против того, чтобы люди чувствовали себя муравьями или маленькими винтиками в мощном механизме. Поэтому архитектуру сталинского ампира он считал шагом назад, а советский авангард – наивысшим достижением советской архитектуры. Возможно, такой взгляд опосредован резким негативным отношением Мееровича к «архитектору Сталину», который, по его мнению, своей волей запретил проектировать и строить «современную архитектуру». Он принял модель советской истории С. О. Хан-Магомедова конца 60-х годов XX века. В его многочисленных статьях поворот к неоклассике и историзму начала 30-х годов трактуется исключительно как трагедия советской архитектуры.

Для традиционного историка градостроительства важен рисунок плана, кто этот план нарисовал, как он видоизменялся во времени, какие и когда появлялись в городе храмы, монастыри, дворцовые ансамбли, кто строил эти дворцы и храмы. Для историков архитектуры важны фасады, разрезы и мельчайшие детали архитектурного убранства, биографии архитекторов. Это взгляд внешний, который Марка Мееровича интересовал гораздо меньше, чем те причины, которые, собственно, и порождали типы зданий и сооружений, способы функционального зонирования территории и качество жизни в Стране Советов в целом. Подход Марка Мееровича к истории архитектуры – не формально-композиционный, не семиотический, собственно, и не архитектурный в обще-

принятом смысле. Это системно-деятельностный подход верного ученика Г. П. Щедровицкого. Казалось бы, какое отношение имеют акты жилтовариществ к архитектуре? Для Марка Мееровича они имели самое прямое отношение к архитектуре, потому что архитектуру он понимал широко – как обусловленную деятельностью материальной оболочку жизни.

Споры о противоречивом периоде советской истории России историки и теоретики архитектуры продолжат. Картина советской жизни и архитектуры вряд ли будет нарисована только темными красками. Но исследования Марка Мееровича и его мнение игнорировать будет уже невозможно.

Литература

1. Раппапорт А. Г. Квадратура кружка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://papardes.blogspot.com/>
2. Меерович М. Г. Рождение и смерть города-сада: градостроительная политика в СССР 1917–1926 гг. (От идеи поселения-сада к советскому рабочему поселку). – Иркутск: Изд-во ИРГТУ, 2008. – 340 с.
3. Меерович М. Г. Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР 1926–1932 гг. (Концепция социалистического расселения – формирование населенных мест нового типа). – Иркутск: Изд-во ИРГТУ, 2008. – 472 с.
4. Меерович М. Г. Градостроительная политика СССР 1917–1929. От города-сада к ведомственному рабочему поселку // Новое литературное обозрение. – 2018. – Гл: Типология жилища в советских рабочих посёлках. – С. 241–289
5. Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми: 1917–1937. – М.: РОССПЭН; Фонд «президентский центр Б. Н. Ельцина, 2008. – 303 с.

References

- Meerovich, M. G. (2008a). Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyudmi: 1917-1937. Moscow: ROSSPEN; "B. N. Yeltsin Presidential Center" Foundation.
- Meerovich, M. G. (2008b). Rozhdenie i smert' goroda-sada: gradostroitel'naya politika v SSSR 1917-1926 gg. (Ot idei poseleniya-sada k sovetskomu rabochemu poselku [The Birth and death of the garden city: the town-planning policy in the USSR in 1917-1926 (from the idea of the garden settlement to the Soviet workers' settlement)]. Irkutsk, Izd-vo IRGTU.
- Meerovich, M. G. (2008c). Rozhdenie sotsigoroda. Gradostroitel'naya politika v SSSR 1926-1932 gg. (Kontseptsiya sotsialisticheskogo rasseleniya – formirovaniye naselennykh mest novogo tipa) [The birth of the socialist city. Town-planning policy in the USSR in 1926-1932 (The concept of the socialist settlement as formation of new-type settlements)]. Irkutsk, Izd-vo IRGTU.
- Meerovich, M. G. (2018). Gradostroitel'naya politika SSSR 1917-1929. From a garden city to a departmental workers' settlement]. Novoe literaturnoe obozrenie.
- Rappaport, A. G. (2015). Kvadratura kruzhka [Quadrature of the Circle]. Retrieved from <http://papardes.blogspot.com/>